

«Если я не вернусь, пусть Федя читает...»

➤ Магнитогорские поисковики привезли из-под Ржева два сохранившихся солдатских медальона

– **ВООБЩЕ-ТО, это нехорошо – на советской каске немецкая кружка... – командир поискового отряда истфака МаГУ «Феникс» Артем Любецкий останавливает журналиста телевидения, собирающегося на фоне экспонатов записать стендап.**

Все из 906-го стрелкового

В ответ на растерянный взгляд телевизионщика Артем Евгеньевич рассказывает представителям СМИ о некоторых находках этой вахты: «наша» стеклянная фляжка – металл берегли для вооружения, поэтому в ход шел дешевый, но хрупкий материал; американский патрон с порохом, который ребята в раскопе вначале приняли за зубочистки – его по ленд-лизу поставлял Советскому Союзу заокеанский союзник; стеклянные бутылки с номерами «4» и «7», в одной из которых непонятная жидкость с запахом спирта...

Необычных находок немного. Третий год поисковое объединение «Рифей» работает под Ржевом и поднимает останки бойцов в окопах, из которых 69 лет назад красноармейцы шли в атаку на противника. И третий год вместе с останками находят читаемые медальоны. Этой весной семь магнитогорских поисковиков подняли 14 солдат и три медальона, из которых два – с именами и фамилиями, причем оба бойца, по архивным данным, воевали в 906-м стрелковом полку.

Из того же полка в предыдущие вахты были найдены пеший разведчик Александр Богданов, рядовой Андрей Шушпанов, Абдулла Шарипов, и у всех одна «черная» дата – август 1942 года. Руководитель поискового объединения «Рифей» Любовь Щербина держит в руках увесистую пачку листов – это распечатка с объединенной базы данных Министерства обороны убитых и без вести пропавших 906-го стрелкового. Едва успела закончиться эта Вахта памяти, как становится ясно – на место раскопа ребятам предстоит еще вернуться, чтобы работать со списками и, возможно, установить там мемориальную плиту всем безымянным.

Гильза-футлярчик

«...Третий месяц сижу в окопе. Сейчас я около города Ржев. Здесь все время холодно, идут дожди, грязь. Немцы очень близко. День и ночь перестреливаемся. Из окопа выйти невозможно. Два раза наступали, много друзей погибло и было ранено. Не болею, но очень сильно кашляю. Все время мерзнем и в сырости находимся. Все время хочется есть. Еды дают очень мало...»

Это письмо родные Александра Федорова получили в июне 1942-го. Через месяц от него пришла еще весточка: «...Я до сих пор живой и не ранен. Как дальше будет, не знаю. Может, сегодня же умреть», а в августе – похоронка...

Медальон Федорова магнитогорские поисковики нашли 29-го апреля. Нашли случайно. Два дня Алексей Гуреев поднимал останки неизвестного бойца. Работа не из легких: на глубине двух метров прощупывать металлическим стержнем-щупом

кости и расчищать землю лопатой. Алеше взялся помочь Ринат Ахметов. Вскоре Ринат наткнулся на странную гильзу от патрона – с одного конца вместо «головки» у нее торчала деревянная пробка, а сама она была аккуратно перемотана веревкой.

– Похожа на медальон, – предположил Артем Любецкий.

Пока несли до полевого лагеря, особого воодушевления не испытывали, так как были сомнения насчет содержимого гильзы и, особенно, его сохранности. Боялись, что нитки сгнили, и в лагере осторожно разматывали их иголками. Но самодельный медальон оказался на редкость крепким – на куске бумаги было отчетливо выведено: «Удмуртская АССР, Можгинский район, деревня Верхние Кватчи. Федоров Александр Федорович».

Звонок в Магнитогорск – Любовь Щербина тут же занялась поиском информации о судьбе бойца. В списках безвозвратных потерь сайта «Мемориал» данные о Федорове подтвердились, предстояло найти с помощью Интернета его родственников.

Окоп или захоронение?

Единственный сын Федор четыре года назад умер. В родном селе осталась его жена, дети и внуки перебрались в Ижевск. Интересно, что фамилию Александра Федорова они не унаследовали – в Удмуртии до войны детям давали фамилию по имени отца, и только после введения паспортной системы все изменилось. Так, семья Федора носит фамилию Александровых. 22-го июня, на торжественном захоронении в Ржеве, они встретятся с магнитогорскими поисковиками, которые отыскали их деда.

Всю жизнь Федя Александров мечтал съездить на могилу отца и не смог. По крайней мере, он думал, что отец захоронен. В 42-м семья получила документ, что Федоров погребен в радиусе пятиста метров от деревни Копытино. В объединенной базе данных потерь Советской армии напротив его фамилии конкретные цифры: убит 25 августа 1942 года, но захоронен в пятистах метрах от деревни Коровино (поисковики обнаружили останки с медальоном около Копытино. – Прим. авт.) 912-м стрелковым полком. То есть без вести пропавшим он не числился. Но и погребенным по-человечески (уже не до военных почестей! Хотя он, как многие другие, бесспорно, их заслужил) Федорова тоже не назовешь.

– Это место не похоже на братскую могилу, – признается Артем Любецкий. – Нет ни одного опознавательного знака, таблички, креста... Около 60 лет назад здесь, по сведениям старожилов и ржевских поисковиков, была небольшая возвышенность, которую с годами сровняли тракторы – на останках бойцов местные много лет сеяли рожь и пшеницу... Если предположить другую версию: что после боев было не до нормальных захоронений, и спецбригады в окопы, как в могилу, скидывали

убитых, а потом засыпали их землей, то что тогда в земле делают штыки, патроны, гранаты, личные вещи, медальоны?

Весточки с фронта

На четвертый день поиска Артем Любецкий обнаружил второй читаемый медальон. Он принадлежал командиру взвода стрелковой роты младшему лейтенанту Ивану Петрову из Красноярского края, деревни Харьковка. Связаться с селом, в котором жил Петров, Любви Щербине не удалось – все переехали оттуда. Однако через председателя сельсовета она узнала, что Петровых в округе было много, дескать, жив племянник лейтенанта. Но и у них та же история с фамилией, что и у Александровых-Федоровых – в довоенное время дети ее тоже получали по имени отца. Однако родственники Ивана Петрова почему-то Степановы, а не Ивановы. И пока путаница с фамилией не позволяет быть уверенным, что родные офицера найдены.

Между тем с родственниками Федорова у поисковиков завязалась переписка. По электронной почте Любовь Щербина переписывается с правнучкой Алисой. Девятиклассница выслала ей отсканированные фронтовые письма прадеда на удмуртском языке. Письма эти – особенные: простые, открытые, честные. Они практически не подверглись цензуре, потому что были написаны русским алфавитом, но на удмуртском языке. О наличии цензуры говорят строки:

«...Получил сегодня ваше письмо.

Письмо склеили с конвертом, и поэтому, когда его вскрывала цензура, полписьма оторвали. Из-за этого я смог прочитать только по-

ловину. Когда письмо будет класть в конверт, не склеивайте...»

Цензура военного времени запрещала писать с фронта о боевых действиях на тот случай, если бы письма могли попасть в руки противника. Писать можно было только о нейтральном, а о том, что голодают и замерзают, – нельзя.

Из декабрьского письма Александра Федорова: «Постарайтесь послать шерстяные портянки и варежки, сухари и что найдете. Все время хочется есть. Очень холодно. Одежда очень плохая. Раз в месяц 17 рублей денег дают. Но на них купить ничего нельзя. Зимнюю одежду еще не давали. То ли дадут, то ли нет. Все говорят, что нет одежды...» Другое письмо датировано маем 42-го: «Из окопа выйти невозможно. Все время немцы стреляют. То и боишься, что землянку взорвут. Я уже с 6-го апреля здесь. Все время в снегу, в воде. Очень мерзну. Только сейчас стало чуть теплее, зимнюю одежду забрали и летнюю выдали. Битва идет днем и ночью. Все время они по нам стреляют, а мы по ним...» А в конце каждого письма горячий привет семье и непременно – «Скучаю по Феде», «Очень хочу увидеть его. Письмо не рвите. Если я не вернусь, когда Федя вырастет, пусть читает...»

ЛЮДМИЛА БОРЮШКИНА
➤ Фото из архива поискового объединения «Рифей»

➤ Лишь немногие из тех, кто готов пожертвовать собой, возвращаются назад. Эрнст ХАЙНЕ